

Амина Волкова

РАЗВОД с предателем. Ты назначил дату моей смерти!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Ты
назначил дату моей смерти!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Ты назначил дату моей смерти! /

А. Волкова — «Автор», 2026

На восьмую годовщину свадьбы я приготовила праздничный ужин. Муж вместо подарка вызвал полицию.— Алина украла разработки компании, — спокойно заявил Григорий. Пока меня месяц держали в СИЗО, он праздновал победу с любовницей и запретил мне видеться с двенадцатилетней дочерью. Чтобы вернуть Катю, я согласилась на сделку с опасным следователем Максимом Дорном: вернулась секретаршей в компанию, которую сама помогала создавать, и начала тайно собирать улики против мужа. Но за финансовыми махинациями скрывался план страшнее измены. Григорий уже назначил дату моей смерти ради страховки. Кто спасёт меня, если даже новый защитник привык управлять чужими судьбами? И успею ли я вернуть дочь?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Амина Волкова

Развод с предателем. Ты назначил дату моей смерти!

Глава 1

Восемь лет. Всё-таки я дождала Григория: ризотто он больше не называл пловом, хотя всякий раз спрашивал, почему за недоваренный рис берут столько денег. Сегодня мне хотелось услышать даже эту дурацкую шутку. Я приготовила утку с чабрецом и мёдом, выставила бокалы, отыскала бутылку «Пол Рок», которую мы берегли с начала знакомства. Со скатертью провозилась вчера до полуночи. Теперь на ней горели свечи, и я следила, чтобы воск не капнул на ткань. Восемь лет — достаточно большой срок, чтобы позволить себе один вечер без разговора о серверах.

— Алинка, ты опять со своими свечами? — голос Григория прозвучал слишком громко для нашего уютного полумрака гостиной.

Григорий строчил сообщение, придерживая телефон рядом с тарелкой. Большим пальцем промахнулся по клавише, поморщился и стёр целую строку. Я держала бутылку над его бокалом. Лить или ждать, пока договорит хотя бы с телефоном? Он даже не замечал, что я застыла перед ним, и от этого начинало сводить пальцы на холодном стекле.

— Это годовщина, Гриша. — Пришлось опустить бутылку: он всё ещё печатал. — Ты обещал убрать телефон хотя бы за ужином. Без работы. Без клиентов. Просто мы.

Он поднял глаза и посмотрел на бутылку в моей руке, словно я помешала ему посреди совещания. Я уже открыла её. Обратно праздник было не заткнуть пробкой.

— Клиенты не ждут годовщин, Алина. И уж точно не ждут, пока жена будет размахивать свечами вместо того, чтобы следить за серверными логами. Ты же знаешь, проект «Нейрон» на грани.

Из-за дивана выглянула Катя. В двенадцать лет она уже отлично понимала, когда лучше не вступать, но упрямства у неё было на двоих с отцом. Карандаши прижимала к раскрытой раскраске обеими руками; один сползал, и она ловила его большим пальцем. Я заметила эту возню и захотела сказать ей: оставь, я сама. Не успела.

— Пап, ты сегодня странный, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Твой галстук перекошен. Как будто ты собираешься на экзамен по этикету, который забыл выучить.

Я посмотрела на Григория. Ну засмейся. Катя же не издевается, она пытается помочь мне. Он положил телефон экраном вниз и развернулся к ней всем корпусом. Дочь сразу перестала ловить карандаш — тот скатился с раскраски. Я услышала, как он стукнул о пол.

— Катя, — произнес он так, что у меня внутри всё сжалось. — Иди в свою комнату. Закрой дверь. Взрослые разговоры не для детей.

— Но...

— Сейчас же! — крикнул он резко, ударив кулаком по столешнице. Бокалы подпрыгнули, вино плеснуло через край, оставляя на белой скатерти багровые пятна, похожие на кровь.

Катя схватила карандаши и юркнула за угол. Дверь спальни хлопнула, и я дёрнулась — не меньше, чем от удара Григория по столу. На скатерти расплзлось винное пятно. Надо было идти к дочери, а я всё ещё смотрела на мужа, будто он мог сейчас извиниться и вернуть нам начало вечера.

Бутылка стукнула о стол громче, чем я хотела. Григорий сидел так близко — можно было дотянуться через угол, — а я всё-таки встала и подошла к нему. Сейчас положу ладонь на плечо, он посмотрит снизу вверх, как бывало, когда я отрывала его от работы. Пускай злится на меня. Только пусть перестанет кричать на Катю.

— Гриша, пожалуйста, давай спокойно... — начала я.

Григорий вскочил, оттолкнув стул коленями. Я даже не успела коснуться плеча. Он прикрыл грудь обеими руками и отступил к стене; я осталась с протянутой ладонью, как дура. Так от меня ещё никто не отшатывался. Тем более он.

— Ты слишком много знаешь, Алинка, — процедил он и посмотрел на мою ладонь. Я наконец опустила её. — Слишком много деталей. Иногда незнание спасает жизнь. Понимаешь?

Я знала слишком много деталей? Я писала эти детали. Когда у нас не было денег на второго разработчика, сидела над ними по ночам. Хотела напомнить ему, сколько раз он сам приносил мне ноутбук со словами «ты быстрее разберёшься», но он следил уже не за мной — за дверью.

Когда позвонили, он перестал пятиться. Сразу. Я запомнила это позже: до звонка отступал от меня к стене, а после сам пошёл открывать.

Я провела пальцами под глазами: если это друзья, незачем им видеть, что мы ссорились. Григорий поправил воротник. Губы, только что кривившиеся от злости, сомкнул; подождал секунду и посмотрел на меня почти участливо. От этой перемены стало хуже. Так он улыбался клиенту, с которым пять минут назад ругался по телефону.

— Сиди здесь, — приказал он мне и направился к прихожей.

Я пошла следом. Мы же заказали торт. Курьер мог приехать раньше; друзья тоже иногда путали время. До прихожей оставалось несколько шагов, и я успела даже пожалеть, что не промокнула винное пятно. Если сейчас войдут гости, придётся чем-нибудь его прикрыть. За этой маленькой заботой можно было спрятаться от того, что только что сказал муж.

Григорий открыл дверь.

На пороге стояли двое коротко стриженных мужчин в тёмных брюках и рубашках. Один уже тянулся к нагрудному карману, второй осматривал коридор поверх плеча Григория. За ними ждал третий — высокий, в пальто цвета мокрого асфальта. Он смотрел прямо на меня. Я одёрнула платье на бёдрах и тут же пожалела об этом движении: мужчина проводил его взглядом, потом вернулся к моему лицу. Он не спешил ни представляться, ни входить, и я почему-то ждала слова именно от него.

— Алина Ветрова? — спросил один из мужчин, доставая из кармана удостоверение.

Я кивнула и сцепила пальцы перед собой. Мужчина держал удостоверение открытым; я пыталась прочесть фамилию, но буквы расплывались, а он уже убирал его обратно.

— У вас обыск в рамках уголовного дела о краже коммерческой тайны и передаче данных конкурентам, — произнес он ровным канцелярским голосом. — Прошу не препятствовать обыску.

— Что?! — выдохнула я, глядя на Григория. — Гриша, скажи им! Это ошибка! Это какая-то чудовищная ошибка!

Григорий вытянул тонкую папку из-под руки. Откуда она взялась? За столом я видела только телефон. Он раскрыл её на нужной странице и протянул полицейским, придерживая верхний лист. Я заглянула через его плечо, но он повернул папку от меня. Даже сейчас мне хотелось верить, что там объяснение, после которого эти люди уйдут.

— Заявление подписано мной, заверено нотариусом. Все документы о несанкционированном доступе к закрытому контуру и утечке исходников проекта «Нейрон» приложены. — Он прижал пальцем угол страницы, чтобы её не перелистнули раньше времени. — Моя супруга, Алина Ветрова, совершила эти действия, получив вознаграждение от компании «Синтез Тех».

Мужчина с папкой поднял на меня глаза. Высокий в пальто прошёл мимо него, и мне пришлось отступить, освобождая порог.

— Гражданка Ветрова, вам необходимо предъявить паспорт и пройти в серверную комнату для осмотра оборудования.

Глава 2

От его низкого голоса мне захотелось говорить тише, и я рассердилась на себя за это. Максим Дорн. В газетах писали о том, как он ведёт дела об экономических преступлениях; я ещё показывала Григорию одну статью. На фотографии Дорн казался старше. Живой стоял в моей прихожей, перекрывая путь обратно к столу, и мне совсем не хотелось проверять, оправдана ли его репутация.

— Я требую адвоката! — крикнула я, пятясь назад. — Вы не можете войти сюда без...

— Решение суда имеется, — перебил он, показывая планшет. — Обыск санкционирован. Сопротивление будет квалифицировано как препятствие следствию.

Я вцепилась в рукава пиджака Григория. Мягкая ткань ползла между пальцами, я перехватила крепче. На стене за его плечом висел Катин рисунок. Четыре кривых окна, три человека у дома. Полицейский заслонял человечка с длинными волосами. Я смотрела на эти окна, потому что смотреть на мужа уже не получалось.

— Ты делаешь это со мной? После восьми лет? — рыдала я, трясущимися руками вцепившись в него. — Гриша, посмотри на меня! Скажи им правду! Скажи, что это клевета! Мы вместе строили эту компанию! Ты не можешь продать меня ради бизнеса!

Он выдернул рукава из моих пальцев и отошёл к стене. Сначала посмотрел, заметили ли полицейские, потом поднял руки ладонями наружу. Я хотела снова подойти — и остановилась. Ещё шаг, и он начнёт защищаться от меня у них на глазах. Уже начал.

— Она истеричка, — бросил он полицейским. — Никогда не знаешь, чего ждать от женщины, которая крадет чужие данные.

А потом он подошел ко мне вплотную. Так близко, что я почувствовала запах его парфюма — того самого, который я выбирала ему на день рождения. Он наклонился к моему уху. Его губы почти коснулись моей щеки.

— Если ты сейчас же не замолчишь и не пойдешь с ними добровольно, — прошептал он так тихо, что слышала только я, — я сделаю так, что Кате будет очень плохо в интернете. Ты меня поняла?

Я опустила руки. До этой секунды ещё могла кричать, требовать, цепляться за него. После слова «интернат» за дверью Катинной спальни стало слишком тихо. Он знал: деньги, компания, репутация — всё это я готова была поставить на кон. Её — нет.

Дорн перевёл взгляд с Григория на меня. Может быть, заметил, как муж наклонился к моему уху? Я открыла рот и сжала губы, не произнеся ни слова. Рассказать про интернат — при нём, при Грише? Муж стоял рядом и ждал. Я смотрела на Дорна, надеясь, что он сам спросит, почему я вдруг замолчала. Он не спросил.

И тут мой взгляд упал на запястье Григория.

В свете прихожей блеснули бриллианты на безеле. Швейцарские часы, платиновый браслет — мой подарок, купленный месяц назад к годовщине. Я тогда несколько раз обходила витрину, считала, сколько останется на счёте, и всё равно попросила достать их. Гриша годами останавливался у таких витрин. Пусть хоть раз получит то, на что только смотрел. Половина моих накоплений ушла за несколько секунд.

Теперь он поправлял браслет, пока полицейский листал заявление. Я следила за знакомой застёжкой. Ещё уговаривала продавца подогнать браслет поточнее: у Гриши узкое запястье, ему будет неудобно. Хотелось вцепиться в этот браслет и сорвать. Вернуть хотя бы подарок, если ничего другого уже не вернуть. Муж дёрнул манжету, но часы не спрятал.

Папку он приготовил заранее. Не в пылу сегодняшней ссоры, не после моего крика. Пока я выбирала подарок и отпаривала скатерть, он собирал документы. С датами, суммами, подпи-

сями. Я мешала ему не как жена. Я мешала как человек, способный прочитать эти документы и задать вопросы.

Катя выглянула из комнаты и ухватила за косяк. На пальцах остались цветные следы карандашей. Ей надо было вымыть руки, сесть с нами ужинать; вместо этого она смотрела на людей, которые пришли за мной. Я представила, как меня потащат через порог, если снова начну кричать. Григорий потом объяснит дочери, что мать сама виновата. И про интернат объяснит. Найдёт слова, ему сегодня хватало слов на всё.

Катя пряталась за косяком. Я кивнула ей — коротко, как кивала перед её контрольными: справимся. Она не кивнула в ответ. Смотрела на руку полицейского у моего локтя, и я поняла, что сейчас от меня требуется хотя бы не заставить её увидеть драку.

Я выпрямила спину. Вытерла слезы, хотя они все равно текли по щекам, оставляя дорожки туши.

— Хорошо, — сказала я хрипло. — Я пойду.

Полицейский взял меня за локоть. Грубо, профессионально.

— Руки за спину.

Щелчок наручников прозвучал глухо в тишине прихожей. Металл сдавил запястья. Я попыталась повернуть кисть и поняла, что от этого только хуже. Надо было попросить ослабить, но горло не слушалось: если начну говорить, первым словом будет «Катя», а не жалоба на боль.

Меня повели к лифту. Григорий остался на пороге. Ему даже не пришлось выйти на площадку, чтобы посмотреть, как я ухожу. Дорн шёл последним. Я несколько раз попыталась оглянуться на него — вдруг скажет, что всё это ошибка? Он не говорил. Приходилось смотреть перед собой, чтобы не споткнуться с заведёнными за спину руками.

В лифте меня притиснули к зеркалу. За плечом полицейского отражалось моё лицо — потёкшая тушь, прядь на губах. Убрать её было нечем. Попыталась сдуть, только щекотнее стало. Если сейчас на другом этаже войдёт соседка, увидит именно такую: заплаканную, в наручниках. Потом расскажет остальным.

Створки поползли навстречу друг другу. За ними оставался свет из нашей прихожей. Я смотрела в эту полоску, ждала Катю — может, выбежит, успеет хоть помахать. И вдруг вспомнила свечи на столе. Я ведь не погасила их. Хотела попросить, чтобы кто-нибудь вернулся, но из квартиры донёсся звук.

Шипение пробки шампанского.

Потом Григорий рассмеялся. Коротко, довольно — так он смеялся, когда клиент соглашался на его цену. Я услышала этот смех через почти сомкнутые двери. Он открыл шампанское, едва меня вывели. Даже не дождался, пока мы уедем.

Я сжала руки за спиной, ногтями впила в ладони. Он смеялся. Пока у меня перед глазами оставалось Катино лицо, он мог смеяться. Я перестала думать о том, как уговорить Гришу исправить ошибку. Ошибки не было. Была папка, которую мне не дали прочитать, и человек, который знал, что в ней написано. Прочитаю. Доберусь до каждой строчки.

Я не умерла. Пока нет.

Но если он думает, что я сдамся, он ошибается. Очень сильно ошибается.

Лифт дернулся, начиная движение вниз. Над дверью погасла цифра нашего этажа.

Глава 3

На этой койке нельзя было тихо перевернуться. Стоило поджать ногу, пружина скрежетала так, что я сама пугалась. Я лежала на спине и держала одеяло у подбородка; ниже оно не доставало до ступней. За месяц выучила потолок: широкая трещина над лампой, две короткие слева. Иногда пыталась мысленно соединить их и засыпала на середине. Сегодня не получалось. От одеяла пахло дезинфекцией, глаза щипало, и я боялась закрыть их: тогда сразу появлялась Катя.

В памяти она то стояла у двери, то тянулась ко мне через плечи полицейских. Я уже не была уверена, успела ли сказать ей, чтобы она не боялась. Помнила блеск наручников под нашей люстрой. Помнила: «Руки за спину». И Григория, который поправлял манжету, пока я пыталась повернуться к дочери. Злость на него начиналась с этой манжеты. У него нашлось время поправить рукав. У меня не нашлось времени обнять ребёнка.

Встать было труднее, чем лежать: пришлось решить, ради чего. Я поставила босые ступни на пол и искала тапочки. Холод добрался до колен раньше, чем я нашла второй. Хорошо. Вот койка, вот пол, вот дверь. Здесь я ещё могу выбирать, надеть тапочки или остаться босой. Дальше разберёмся с остальным. Если начинала думать обо всём сразу, не могла даже подняться.

Дверь скрежетнула, открываясь наполовину. Дежурный — молодой парень с прыщами и тусклым взглядом — кивнул в сторону камеры. — Ходить будем? Или лежать до обеда будешь, статья?

В коридоре тапочек попал в грязную воду. Я отряхнула носок, дежурный обернулся — и пришлось поспешить за ним. Над стёртой краской у дверей темнели отпечатки ладоней. Я тоже здесь хваталась за стену, пока ждала, куда велят идти. — Где моя дочь? — На последнем слове голос сорвался. — Скажите хотя бы, с кем она. Дежурный остановился, сунул планшет под мышку. Я тоже остановилась, даже шагнула ближе: наконец-то слушает. — Про дочь — к адвокату. Мне за твои семейные дела никто не платит. А отказ от адвоката у тебя в бумагах стоит. Разбирайся с теми, кто оформлял. — Какой отказ? Я его ещё дома требовала. Посмотрите! Парень достал планшет, пролистнул страницу. Я потянулась посмотреть вместе с ним, но он отодвинул экран. — Я не отказывалась. — А тут стоит. Идём, Ветрова. Он снова зажал планшет под мышкой. Хотелось ухватить за рукав и удержать возле этой строчки: чужую отметку он прочёл, пусть теперь выслушает меня. Я спрятала пальцы в ладонях. Ещё решит, что нападаю, и вместо вопроса о дочери придётся объяснять, зачем тронула дежурного. Пошла следом, повторяя про себя: в бумагах отказ. Значит, подменили не только логи.

Миску поставили на край койки. Я машинально повернула её щербиной от себя — будто здесь тоже можно было выбрать приличную сторону посуды. В каше плавали серые комочки. Поднесла ложку, отёрнула от запаха, опять поднесла. Дома Катя выбирала из супа весь лук. Я сердилась: ешь, остынет. Теперь понимала, сколько усилия может стоить одна ложка. Надо было поесть. После нескольких дней на пустом желудке я уже плохо держалась на ногах, а за меня никто не пойдёт к дочери. Первую ложку проглотила, почти не жуя. На второй во рту пересохло, я еле проглотила. Слеза упала в миску, за ней ещё одна. Я хотела отставить еду, чтобы хотя бы плакать отдельно от обеда, но тогда пришлось бы начинать заново. Доела, глядя на щербину. Это было единственное дело, которое я сегодня сумела закончить.

После обеда меня повели на свидание. Комната была разделена стеклом, толстым, мутным от царапин. Стол из ламината, два стула. Надзиратель сидел в углу, читая детектив, не обращая на нас внимания. Я села поближе к стеклу, положила ладони на стол. От первого хлопка двери в коридоре вскинула голову — прошли мимо. Через несколько минут снова раздались шаги. Я уже придвинула стул, чтобы меня лучше было видно с порога. Шаги стихли.

Никто не вошёл. Я представляла, как откроется дверь и войдёт кто-нибудь из подруг. Любая. Даже та, которая всегда опаздывала и начинала с «ты не представляешь, какие пробки». Здесь я бы дала ей договорить. Григорий не пришёл. Марина, конечно, тоже. Надзиратель переворачивал страницы своего детектива. Я считала их вместо минут и злилась на себя: всё ещё слушаю шаги, всё ещё готова улыбнуться первому, кто зайдёт. Через два часа надзиратель закрыл книгу. — Время вышло. Никто не пришёл. Иди обратно. Поднимаясь, пришлось ухватиться за стол: за два часа ноги затекли. В стекле отразилась моя голова — тёмные круги под глазами, прядь поперёк щеки. Пригладила её и разозлилась ещё сильнее. Для кого я приводила себя в порядок? На другом стуле так никто и не сидел.

Пока я ждала в комнате свиданий, в камеру вернули мою куртку после обыска. Она висела на крючке, с перекрученным рукавом. Я прижала её к лицу и сразу отодвинула: пахло чужим потом. Машинально сунула руку в карман для ключей — металлического колечка там не было, зато шуршала бумага. Визитка юриста Григория. Золотое тиснение продавилось с обратной стороны; провела по нему пальцем и вспомнила, как Гриша называл мне этого человека. В ту ссору он заговорил так быстро, что я никак не могла вставить вопрос. До конца фразы не помнила ни одного из его юридических терминов. Зато прекрасно помнила другое. «Ты слишком умная для своей роли, Алина». Я покрутила визитку. Григорию всегда было удобно держать меня умной на работе и послушной дома. Когда эти две части перестали разделяться, ему понадобился юрист. Мне захотелось порвать карточку, но тогда здесь не осталось бы ни одного чужого номера. Убрала её обратно. Не могла сейчас решить, что больнее: он никогда не считал меня партнёром или перестал считать, когда решил забрать всё. Я помнила, сколько сделала для компании, и всё равно ловила себя на вопросе, не переоценила ли своё место рядом с ним.

Ночью я проснулась от собственного сердцебиения. Лежала, не двигаясь, и слышала его даже в ушах. Отодвинула одеяло, расстегнула ворот. Всё равно душило. Окно было открыто; я села, повернулась к нему лицом и попыталась вдохнуть поглубже. Только испугалась сильнее, когда не вышло. Паника. Опять. Назвать её правильно не помогало: вдох обрывался на середине, ладони немели. Опустилась на колени, упёрлась пальцами в стену. Бетон царапал под ногтями. «Здесь стена, здесь пол», — повторяла я, удерживая ладонь на месте. Когда заметила красные полосы на пальцах, сумела наконец выдохнуть до конца. Потом ещё раз. До следующего вдоха надо было дожить отдельно. Я подняла голову к трещинам. Большая над лампой. Две слева. Не перепутала. Взялась пересчитывать мелкие: так было легче не слушать собственный пульс. Мне всю жизнь помогало раскладывать задачу на части. Сейчас самая маленькая часть — дышать; следующая — дожидаться утра. Дальше потребуется адвокат и доступ к тем бумагам, о которых говорил дежурный. Не всё сразу. Если Григорий рассчитывал, что я разучусь думать, придётся его огорчить.

Утром дверь открылась не для еды. Конвойный посмотрел на меня странно, без привычного презрения. — Одевайся. Освобождение. Я села на койке и посмотрела на тапочки. Только что собиралась надеть их, чтобы ждать кашу. Теперь надо одеваться? Совсем? — Дело закрыли? Конвойный ждал у двери. Вчера меня отправили обратно, сегодня выпускают, и оба раза от меня требовали просто встать. Наверное, кто-то внёс залог. Кто? На секунду захотелось, чтобы Гриша. Значит, передумал, можно будет увидеть Катю. Я за эту секунду возненавидела себя: месяц держал меня здесь, а я всё ещё готова выдумать ему оправдание. Надзиратель протянул мне конверт. Простой белый, без марки. Внутри лежала записка, написанная печатными буквами. «Не благодари Ланского. Он даже не знает, что ты вышла. Платил другой. И он хочет тебя видеть сегодня. Инструкция в телефоне». Телефон, который мне вернули вместе с вещами, вибрировал в кармане. Новый номер. Сообщение: «У меня есть то, чего хочет твой бывший муж. И то, чего боится твоя дочь. У ворот тебя ждет машина. Приходи одна».

За воротами я остановилась слишком близко к проезжей части и отступила, когда мимо прошла машина. Отвыкла от этого: люди ездят куда хотят. Можно перейти улицу, купить кофе,

позвонить. Я сжала телефон с сообщением неизвестного и даже не попыталась набрать Катю. Сначала надо было узнать, чем за меня заплатили и кто теперь предъявит счёт. На противоположной стороне смеялись посетители кафе. Мне хотелось спросить их, как пройти отсюда к обычной жизни. Но машина ждала у ворот, и я искала её глазами.

Глава 4

Пока у ворот СИЗО я искала машину, утро никак не отпускало. Тот же край койки, металл под пальцами. В камере я держалась за раму так крепко, что уже не чувствовала мизинцев. Считать сердечные удары было ошибкой: от этого они будто учащались. Пыталась слушать лампу. Её тонкое гудение оставалось ровным, сколько бы я ни задерживала дыхание.

Я ждала адвоката. Вчера тоже ждала. Кажется, вчера — дни различались только тем, сколько раз открыли кормушку. За дверью люди знали время, носили часы, договаривались о встречах. Мне хотелось получить хотя бы одну точную дату: когда прочтут мой отказ от обвинения, когда дадут поговорить с дочерью. В компании Григорий требовал от меня сроки до минуты. Здесь ему было выгодно, чтобы я перестала понимать, какой сегодня день.

Стукнули в дверь. Я поднялась слишком быстро — ноги подломились, и пришлось удержаться за раму. Опять кормушка? Нет, снаружи возились с замком. — Есть кто живой? — прокричала я, прижимая ладонь к щели под дверью. Там тянуло сквозняком, запахом дезинфекции и чего-то сладковато-гнилого. Дверь распахнулась с резким скрипом петель. На пороге стоял конвоир, молодой парень с усталыми глазами и автоматом наперевес. За ним маячила фигура в гражданском костюме. — Ветрова, собирай манатки, — буркнул конвоир. — Тебя переводят. — Куда? — Я откашлялась; слово вышло едва слышным, а они уже собирались уводить. — Подождите. Мне нужен адвокат. По доверенности. Он обещал... — Адвокаты для таких дел теперь работают через «особый отдел», — перебил мужчина в костюме. Он поглядывал на конвоира и всё перехватывал папку за край; прижимать к костюму её почему-то избегал. — Твое дело переквалифицировали. Защита — вопрос времени, которого у тебя нет. Быстро. Идем.

Я посмотрела на папку у мужчины под мышкой. Очень хотелось увидеть свою фамилию на обложке, но он держал её надписями к себе. «Особый отдел». Так можно было назвать что угодно. Григорий тоже давал самые аккуратные названия тому, во что не хотел посвящать сотрудников. Я двинулась к двери медленно, чтобы они заметили: стоять могу, идти могу, исчезать из этого коридора без вопроса не собираюсь.

Мы шли по коридору СИЗО. Кафель под ногами был влажным, холод пробивался сквозь тонкую ткань арестантской робы, которую мне выдали взамен моего платья. За конвоиром надо было поспевать. Я смотрела на его ботинки, чтобы не потерять шаг, но тёмные пятна уже закрывали кафель. Попробовала вдохнуть поглубже — в груди что-то толкнулось, и на следующем шаге меня повело в сторону. — Стоп! — я схватилась за стену, ногти скребнули по краске. — Мне плохо. Врача! Позовите врача! Конвоир обернулся. Я держалась за стену и ждала, что он хотя бы подставит плечо. Он посмотрел на мои ногти, скребущие краску, потом на мужчину с папкой. — Врач занят, — сказал он сухо. — Клиент уже оплачен и ждет снаружи. Не тормози процесс. Я сильнее упёрлась ладонью в стену. «Клиент оплачен». Конвоир ждал, пока я отцеплюсь, а мне хотелось спросить, кому именно заплатили за то, чтобы меня увести. Он снова кивнул в сторону выхода. Говорить приходилось на выдохе; я поберегла его для следующего шага. У этих двоих было расписание, и моё сердце в него не укладывалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.